

ОБЩИНА КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Статья посвящена определению общины как формы социальной организации, возникшей на заре человеческой истории и существующей поныне. В этом своем качестве община противостоит государству, которое можно рассматривать как еще одну социальную форму. Предлагается новая типология общины в рамках разрабатываемого автором методологического подхода к истории.

Община – явление сложное. Это и хозяйственная, и культурная, и социальная система. На протяжении всей человеческой истории она существует и как один из принципиальных типов социальной организации, определяющих структуру общества и порядок его жизнедеятельности. Это первый способ организации, возникший на заре истории. Непосредственно он связан с первобытностью, однако не исчезает и в эпоху цивилизаций.

Отечественная наука породила великое множество определений общины, но среди них трудно найти такое, которое позволяет увидеть ее подлинную суть.

Согласно Л.Б. Алаеву, община – это малая социальная группа, обладающая способностью к биологическому и экономическому воспроизводству, имеющая собственную организацию, отличающаяся религиозным единством, определенной системой ценностей и другими признаками (1, с. 17). Как справедливо замечают Л.В. и В.П. Даниловы, данное «определение слишком общо и формально; под него практически могут быть подведены самые разнообразные сообщества» (1, с. 17).

Сами Даниловы предлагают не менее размытое определение. В разных трудах они относят общину к близким, но все же не одинаковым родовым понятиям: община у них то «целостный социальный организм», то «универсальный институт», то некая «первичная форма социальной организации» (1, с. 20). Организм – организация – институт – это не совсем одно и то же. «Организация», как правило, предполагает некое объединение, имеющее четкое устройство, но совсем не обязательно «организм». Под «орга-

низмом» обычно понимается «сложно организованное единство, целостность» (2, с. 458). «Институт» – чаще всего форма общественного устройства, совокупность норм в области общественных отношений, выполняющих строго определенную функцию (институты семьи, власти, частной собственности и т. п.) (2, с. 248). Чем, по их мнению, является община в первую очередь – непонятно. Видовые признаки общины у них также расплывчаты. Вот как Даниловы характеризуют родовую общину: «...община – имеющий всеобщее распространение универсальный институт, выступающий носителем всей совокупности общественных функций, определяющий всю систему отношений» (3, стб. 744). Возражать против этого трудно. По существу это верно. Но понять, что такое «родовая община» и каковы ее основные, существенные признаки, вряд ли получится. Для этого нужно прочитать всю написанную ими статью.

Совершенно необъятное определение общины предлагает С.Д. Зак*. Похоже, он старается втиснуть в него все, что ему известно об этом. Община в его устах – это «союз» или «объединение» непосредственных производителей, это «общественно-производственная и социальная организация сельских трудящихся», это «социальный организм», связанный с традиционной формой расселения (деревня, село, хутор). Причем все это может, по его мнению, естественно сложиться или исторически развиваться, может отличаться демократической системой управления или, наоборот, автократической. Целью ее существования может быть удовлетворение нужды и интересов совладельцев земли или регулировка бытовых, культовых и других взаи-

* «Земледельческая (сельская, поземельная, соседская, деревенская) община – это естественно сложившийся или исторически развившийся местный соседский социально-экономический, политический (в классовом обществе), идеологический и бытовой союз (или объединение) непосредственных производителей – крестьян и их домохозяйств – с целью обслуживания и удовлетворения их нужд и интересов как совладельцев (и сопользователей) земли, воды и т. п. Это общественно-производственная и социальная организация сельских трудящихся индивидов, сочетающая в себе систему соседских и родственных связей и отношений. Это социальный организм, связанный с традиционной формой расселения (деревня, село, хутор), демократической или автократической системой управления, самоуправления и регулирования внутри крестьянских поземельных (экономических), бытовых, религиозно-культовых и т. д. взаимоотношений своих членов. Основными чертами сельской общины являются дуализм (коллективный труд и общая собственность; парцелльный труд и единоличное владение); автаркизм (более или менее замкнутый натурально-потребительский хозяйственный и жизненный цикл); экстенсивное воспроизводство, внутриобщинное разделение труда (иногда в сословно-кастовой форме); соединение труда (ремесленный и земледельческий); личностные (родственные и связи по свойству) отношения как доминирующий тип социальных связей». (Зак С.Д. Методологические проблемы развития сельской поземельной общины // Социальная организация народов Азии и Африки. М., 1975. Прим. 20. С. 295.)

моотношений. Что же это такое на самом деле, непонятно. Даниловы замечают в определении С.Д. Зака как минимум «два существенно различных взгляда на общину» (1, с. 18).

Ю.И. Семенов дает наиболее ясное определение. Община – это социальный и в то же самое время хозяйственный организм, ограниченный по своим размерам так, что все его члены находятся в повседневном контакте. «Как первобытная, так и крестьянская общины, – пишет Ю.И. Семенов, – имеют собственные базис и надстройку, свою собственную материальную и духовную культуру» (4, с. 88).

Община – социальная организация, которая отличается высокой степенью единства, целостностью, т. е. это действительно **социальный организм**. Ф. Энгельс подчеркивал, что русский «крестьянин живет и действует только в своей общине; весь остальной мир существует для него лишь постольку, поскольку он вмешивается в дела его общины. Это до такой степени верно, что на русском языке одно и то же слово **мир** означает, с одной стороны, «вселенную», а с другой – «крестьянскую общину» (5, с. 425). То же самое отмечает современный исследователь А.С. Ахиезер: «Существо статичного локального сообщества хорошо выражалось словом «мир» (6, с. 81-82). По отношению к общине он употребляет также и другие похожие выражения: «локальное сообщество», «закрытая социальная система», «замкнутая локальная организация, для которой мир оканчивается за околицей» (6, с. 81, 361) и т. п. Как правило, исследователи чувствуют это и, несмотря на путаницу в определениях общины, порой очень точно характеризуют ее истинную природу. Тот же С.Д. Зак называет общину «локальным микрокосмом» (7, с. 248) (впрочем, заимствуя это выражение у К. Маркса (8, с. 173)), «замкнутой самоуправляющейся системой» (7, с. 285) или «социально-экономическим организмом» (7, с. 249). Природа общины такова, что она выглядит со стороны и проявляет себя как единое целое, независимо от того, какую внутреннюю структуру имеет, на какой стадии развития находится, каковы ее тип, форма, деление на части. Для внешней среды все это оказывается неважным. Главной особенностью общины как формы организации является то, что **власть** в ней **принадлежит всем вместе (народу)**, а не какому-либо отдельному лицу или группе лиц. Свою волю народ осуществляет **непосредственно**, на общем собрании. **Сход общинников, где решаются все вопросы внутренней жизни, – главная черта общины, ее существенный признак, без которого она не может существовать.** А.С. Ахиезер,

поясняя, что такое крестьянский «мир», так и написал: «это прежде всего локальная общность, **сход**» (6, с. 82) (выделено мною. – А.П.).

Русские крестьяне на сходе выбирали старосту, десятских и других должностных лиц, разбирали частные жалобы и просьбы, дела по отходу, расклад повинностей, церковные, финансовые и земельные вопросы (9, с. 139). В сходе могли участвовать все члены общины. По словам Ф. Энгельса, это было принято, например, у ирокезов, у которых на общее собрание приходили все взрослые мужчины и женщины (10, с. 100). Иногда обычай каким-либо образом ограничивал число участников. В Абхазии в XIX веке на общий сход собирались исключительно мужчины (11, с. 20). В русской сельской общине в сходе участвовали только домохозяева, на волостном сходе – выборные от сельских общин и их старосты (12, с. 8, 11). Однако в случае отсутствия домохозяина на сельское собрание могла явиться и хозяйка дома, а на волостной сход помимо выборных – любой желающий (13, с. 95).

Непосредственное народовластие – причина территориальной ограниченности общины. Обычно по мере роста община делится на более мелкие части, и, чем обширнее становится, тем ее внутреннее деление сложнее. Постепенно части общины обособливаются и образуют самостоятельные социальные организмы. Вот один из частных случаев, раскрывающих, как это происходило у русских крестьян в XVIII веке. По сообщению Н.А. Миненко, в 1750 году томские крестьяне, «имевшие жительство» в деревнях Тарышкиной и Завьяловой, просили выделить их в особую сотню (т. е. общину) и позволить выбирать своего старосту и мирского «пищика», чтобы можно было «между собою суд и расправу иметь». В качестве основания для просьбы крестьяне указывали на дальнейшее расстояние их деревень от острогов, к которым они были приписаны (от Бердского, например, – 350 верст). И потому «в случавшихся... между ими небольших управах для суда они за дальностью [в те остроги] приезжать не могут», отсюда и просьба (14, с. 105-106).

Хозяйственной основой общины является **совместное землевладение**. По Марксу – это «одна из ее основных черт» (8, с. 175; 15, с. 369). М.О. Косвен называет коллективное владение землей основной сущностью сельской общины (16, с. 30). Очень точно сказал об этом Л.В. Милов. Община, по его словам, есть «коллективный земельный собственник» (17, с. 42). **Совместное землевладение – базис общины как формы социальной организации, источник и**

признак, характеризующий ее как хозяйственный организм.

Общее владение землей присуще общине независимо от эпохи и места существования. Ф. Энгельс отмечал данную черту общины у американских, латинских, кельтских, германских и других племен (10, с. 102-103, 139, 155, 161). Массу свидетельств совместного землеустройства собрали исследователи русской крестьянской общины (18, с. 56, 60, 71; 19, с. 102). Это и наделение земель новопоселенцев, принятых в общину, частичные и общие переделы земли как в сельских, так и в более крупных волостных общинах; это и изъятие земельного надела при выходе крестьянина из общины. Совместно владели землей запорожские казаки. Д.И. Яворницкий отмечает, что у запорожцев каждый год происходил передел земли «всех рек, озер, урочищ, звериных доходов и рыбных ловель» (20, с. 165) по всей территории войска. Этот ежегодный передел осуществлялся по жребию на общевойсковом круге. И.В. Следзевский указывает, что такое отношение к владению землей составляет сущность африканской общины. «...Африканское обычное право, – пишет он, – запрещает куплю-продажу земли и рассматривает ее как коллективное достояние» (21, с. 76). Совместное землеустройство характерно и для кочевой общины. «Район кочевья, занимаемый отдельной хозяйственной единицей – составная часть общей земельной собственности племени», – отмечают Л.В. и В.П. Даниловы (3, стб. 748).

В отечественной науке принято выделять два основных типа общины: 1) **родовую**, иначе первобытную, кровнородственную; 2) **соседскую**, иначе – территориальную, сельскую, земледельческую (3, стб. 746-747). Внутри родовой стадии различают раннеродовую общину охотников, рыболовов и собирателей и развитую общину земледельцев и скотоводов. Внутри соседской – азиатскую, античную и германскую (3, стб. 747). В качестве переходной формы называют домашнюю (патриархальную) или большесемейную общину (9, с. 26; 7, с. 238). Основное различие между ними видится в характере связи. Считается, что родовая община строится на кровном родстве, а соседская – на территориальной общности.

Ю.И. Семенов еще в 1979 году предложил пересмотреть эту схему. «В свое время, – пишет он, – противопоставление **родства** (здесь и далее выделено мною. – А.П.) как основы первобытной общины **соседству** как основе крестьянской общины было шагом вперед. Но в реаль-

ности различие между родством и соседством было всего лишь внешним и не всегда четким выражением действительного различия, как показывают факты, в классовом обществе нередко встречаются крестьянские общины, состоящие из родственников ничуть не в меньшей степени, чем первобытные общины» (4, с. 88). Ю.И. Семенов считает, что общины нужно делить на 1) первобытные, которые состоят всего из одной хозяйственной ячейки, т. е. одновременно являющиеся и хозяйственным организмом, и ячейкой (4, с. 84), и 2) крестьянские, состоящие из множества хозяйственных ячеек (дворов). Переходный тип – **пракрестьянская община** – представляет собой то же, что и крестьянская, но в обществе, где классы еще не сложились.

Данная типология проста и позволяет различать общины, используя археологические данные, что крайне важно для изучения дописьменных обществ. Если в поселке нет дворов, то, скорее всего, здесь могла существовать только первобытная община (по терминологии Ю.И. Семенова); если есть дворы – **пракрестьянская** или **крестьянская**. Проблема в том, что типология, предложенная Семеновым, не раскрывает и не учитывает причину деления (или неделиния) общины на дворы. Мне кажется, что все дело здесь в собственности на домашнее (движимое) имущество и, как следствие, различии в порядке **наследования**. Если наследником является род (мужской или женский), община выстраивается на его основе и существует как единое хозяйство. Поэтому и не делится на дворы. Если же имущество наследуется членами семьи, именно она становится хозяйственной ячейкой и потому огораживается от других таких же хозяйств, входящих в общину. Появляются дворы. Теперь уже не важно, на основе одного или нескольких родов складывается община. Имущество все равно остается у родственников. Так из родовой она становится соседской.

Как форма социальной организации и родовая, и крестьянская общины относятся к одному типу, являясь объединением непосредственных производителей. Они обе зиждутся на **личном труде**. В этом смысле и та, и другая община – **первобытные**. Первобытными они являются потому, что существуют на основе первоначального быта, диктуемого самой природой, а не в силу примитивности, хотя и этого у них не отнять. Существует и **цивилизованная община** – это полис (городская община). Есть две точки зрения на проблему городской общины. К. Маркс видел в ней особый тип соседской общины, представляющий собой одну из стадий ее

разложения. Он называл такую общину античной (22, с. 16; 7, с. 268; 3, стб. 742). Советские ученые в массе своей следовали за К. Марксом. Ю.И. Семенов считает, что «городских общин» в собственном смысле слова не существовало. То, что было, по его мнению, нельзя называть общинами. «Как города-государства Шумера, так и античные полисы, – пишет Ю.И. Семенов, – представляли собой не что иное, как более или менее значительные по своим размерам классовые социальные организмы, конкретные классовые общества, которые одновременно были и государствами. Иначе говоря, они были социальными образованиями совершенно другого порядка, чем первобытные и крестьянские общины» (4, с. 90). Однако полису присущи все основные общинные черты:

1) **сход** как верховный орган власти, позволяющий народу принимать решения самому, непосредственно;

2) **совместное землевладение**, выраженное в верховном праве городской общины на землю, наделении граждан полиса землей (клером-жребием) и наличии общественного поля (агер публикус) (23, с. 76; 24, с. 93).

Отличие «цивилизированной» общины (полиса) от первобытной (родовой и соседско-семе-

ной) в том, что она является объединением не только и не столько земледельцев, сколько **землевладельцев**. Если первобытная община – это земледельческая община, то **полис – это землевладельческая община**. Здесь владельцы земли сами не трудятся на ней или хотя бы стремятся к этому, имеют право и возможность жить за счет земли, но не работать на ней. Цивилизация, которая в основе своей имеет полис, единственный ее тип, способный организовывать общество на древних общинных началах. Вероятно, поэтому общество, переходящее от первобытности к цивилизации, обычно строится на полисной основе**.

Община как форма социальной организации противостоит другой форме – государству. Основное отличие между ними в том, кому принадлежит власть. Если в общине носитель власти народ, то в государстве власть отделена от народа.

Таким образом, община – это целостная социальная система (социальный организм), основанная на непосредственном народовластии, осуществляемом на общем собрании членов объединения (сход, вече, апелла, экклесия). Базисом общины является совместное землевладение. Существуют первобытные (родовые и соседские) и цивилизованные общины (полисы).

Список использованной литературы:

1. Данилова Л.В., Данилов В.П. Проблемы теории и истории общины // Община в Африке: проблемы типологии. М., 1978.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999.
3. Данилова Л.В., Данилов В.П. Община // БСЭ / 3-е изд. М., 1974. Т. 18.
4. Семенов Ю.И. О стадильной типологии общины // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979.
5. Энгельс Ф.О социальном вопросе в России // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произведения: В 3 т. М., 1983. Т. 2.
6. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Новосибирск, 1997. Т. 1.
7. Зак С.Д. Методологические проблемы развития сельской поземельной общины // Социальная организация народов Азии и Африки. М., 1975. Прим. 20.
8. Маркс К. Первый набросок ответа на письмо В.И. Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произведения: В 3 т. М., 1983. Т. 3.
9. Александров В.А. Сельская община в России (XVII – начало XIX в.). М., 1976.
10. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1985.
11. Чанба Р.К. Община и земельные отношения в XIX в. в Абхазии (до крестьянской реформы 1870 г.) // Социальная история народов Азии. М., 1975.
12. Миненко Н.А. Живая старина: Будни и праздники сибирской деревни в XVIII – пер. пол. XIX в. Новосибирск, 1989.
13. Громько М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986.
14. Миненко Н.А. Община и русская крестьянская семья в юго-западной Сибири (XVIII – пер. пол. XIX в.) // Крестьянская община в Сибири XVII – нач. XX в. Новосибирск, 1977.
15. Маркс К. Капитал. М., 1988. Т. 1.
16. Косвен М.О. К вопросу о древневосточной общине // Вестник древней истории. 1963. №4 (86).
17. Милов Л.В. Общее и особенное российского феодализма (постановка проблемы) // История СССР. 1989. № 2.
18. Громько М.М. Территориальная крестьянская община Сибири (30-е XVIII – 60-е XIX в.) // Крестьянская община Сибири XVII – нач. XX в. Новосибирск, 1977.
19. Александров В.А. Типы сельской общины в позднефеодальной России (XVII – нач. XIX в.) // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979.
20. Яворницкий Д. І. Історія запорозьких козаків: В 3 т. Київ, 1990. Т. 1.
21. Следзевский И.В. Земледельческая община в западной Африке: хозяйственная и социальная структура // Община в Африке: проблемы типологии. М., 1978.
22. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. М., 1988.
23. История Древней Греции / Под ред. В.И. Кузищина. М., 1986.
24. Андреев Ю.В. Греция в Архаический период и создание классического греческого полиса // История древнего мира. Кн. 2. Расцвет древних обществ / Отв. ред. И.С. Свенцицкая. М., 1983.

** Подробнее о данной типологии цивилизаций см.: Поляков А.Н. 1) Проблемы методологии в исторической науке. Оренбург, 2002. С. 20-27. 2) К проблеме общественных формаций // Вопросы философии. 2003. №6. С. 9-13.